

Глава I: Tenebra post lucem

DEUS EST TENEBRA IN ANIMA POST OMNEM LUCEM RELICTA

Бог суть темнота, остающаяся в душе после света

Прошло уже не меньше недели после Дня Всех Святых. Благословенное небо Италии, еще недавно столь милосердное к простым смертным, посуровело, сердитые мрачные тучи грозились холодным дождем воссоединиться с и без того хронически простуженным, потерявшим зеленую голубизну морем, а озябшие от порывов Боры прохожие запахивали плащи и опускали капюшоны. Однако, взгляните-ка сюда - юноша лет пятнадцати-шестнадцати, мурлыча себе под нос какую-то веселую песенку, вприпрыжку скачет по мощеной мостовой Анконы и, казалось, не обращает на хмурое утро ни малейшего внимания. Позвольте представить вам этого паренька – зовут его, когда хотят наказать, Джованни, порой Джанни, а обычно, поскольку он еще не вполне подросток, сокращают до Джио. Как у него есть три имени, так и три причины, по которым он счастлив. Как уже было сказано, в его жизни едва пробил тот шестой час, когда Всевышний, по известной притче Блаженного Августина, запускает в свой цветущий сад юных виноградарей. Еще потому, что по характеру он был склонен наблюдать только ярко освещенные благие грани бытия, не обращая внимания на то, что находилось в тени. И, наконец, поскольку он знал, что его ждет *praeceptor ac magister carissimus* – дражайший учитель и наставник, ставший ему духовным отцом. Он возвращался после месячной отлучки, вызванной посещением своих пенатов и свадьбой старшего брата. Но сейчас он летел из родового гнезда назад на крыльях неподдельного страстного нетерпения, ибо душа его уже умерла для детских чувств и мирских радостей. Он всем сердцем вождеделел служить Господу, а истинной его большой семьей стали братья меньшие. Где же был для него лучший дом, нежели тот конвент, что основал сам Святой Франциск, муж серафический, когда отправлялся с крестonosцами в Египет?! Что же могло быть красочнее того будущего, когда он опояшет на себе серое одеяние их веревкой?! Куда же ему было стремиться, как не к благодатному пути познания великих божественных таинств?!

Солнце исхитрилось-таки найти щелочку в плотной облачной изоляции и бросило сквозь нее букет своих лучей, пусть и несколько пожухший, к ногам своей возлюбленной *Terrae*-Земли. Джио с удовольствием бросил взгляд на посветлевшие строения, на минуту обретшие летние теплые тона. И вдруг заприметил вокруг множество незнакомых ему людей -

казалось, весь город направлялся вместе с ним к монастырю. Может быть, сейчас время раздачи благотворительной похлебки?! Но почему тогда свою лавку затворяет богатый мясник?! И на что тогда надеются иудеи с круглым желтым клеймом на одежде?! Да и рано еще - на *tertia hora* пока не звонили. Впрочем, вот и колокол подал голос, но какой-то странный, гулкий и зловещий. Ужель... ужель пожар?! Борясь на ходу со все глубже проникавшей в душу занозой тревоги и обращаясь про себя за заступничеством к святой Агате, юноша поспешил вперед. Подойдя поближе, он с облегчением сообразил, что никакого дыма не было. Однако, огонь у входа во францисканскую обитель все же полыхал – другой, адский. Через головы собравшейся толпы он увидел, как по ступенькам медленно спускаются вниз конвоируемые стражниками преступники. Впереди ступал хорошо известный ему Томмазо из Толентино. Его вина пред апостольским престолом состояла в излишнем пристрастии к апостольской нищете. Вот и сейчас босые ноги легко переносили все его имущество, состоявшее из единственной туники, грубой мешковины цвета праха земного. Почувяв приближение ожидаемой потехи, первые ряды зевак заволновались, раздались крики «Еретики идут!», «Порождение дьявола!», «Супостаты!», послышался свист и в беззащитную жертву полетели запасенные заранее яйца с гнилыми помидорами. Один из метательных снарядов успешно поразил мишень, монах остановился, осенил обидчиков крестным знаменем и, повернув к ним другую щеку, молитвенно произнес: «Господи, прости им, ибо не ведают, что творят». Рядом послышался бунтарский шепот: «Франциск, должно быть, попал в ад, иначе давно бы разогнал всех разжиревших и наградил своих истинных братьев». А какая-то сердобольная старушонка, подобрав отлетевший в сторону из-под ноги мученика за веру камешек, поцеловала обретенную святыню и обернула в платочек.

Вслед за Томмазо шли двое других знакомых Джио миноритов. Он помнил, что все они уже ранее были сосланы по обвинению в непослушании францисканскому руководству, а затем чье-то влиятельное покровительство обеспечило им амнистию. Повторный арест был, конечно же, событием удивительным и неприятным, но особо его не задевал. И вот тут – это мгновение он не забудет никогда - наружу вывели ЕГО! Свет померк в его очах, и тьма окутала душу – *tenebra in anima*. Клубок мыслей, до того лениво катившийся в потоке сознания, внезапно наткнулся на неожиданную преграду и взорвался, разбившись на тысячи ранивших сердце осколков. Нет-нет, нет-нет, этого не может быть - учитель?! Спаси и сохрани, Господи! Эта власть - от Антихриста! Что же... что же я теперь буду делать?! Но он же истинный святой! Куда его, в темницу или сразу на костер?! Идти броситься в ноги Папе Римскому?! Ведут, яко ... яко Агнца Божьего на заклание! Наступают последние времена! Грядет

Армагеддон! Вернуться к родителям?! Нет-нет, нет-нет, ни за что! Пусть меня тоже распнут вместе с ним! Отбить и убежать ... убежать к грекам?! Эта, последняя идея, призывавшая к действиям, так прищипорила его, что он с места рванул в карьер, продираясь сквозь противно вонявшие чесноком и пивом телеса в первый ряд. Ему припомнился недавний рассказ, как разгневанные *popolo*, кажется, в Парме, отбили у инквизиции ее невинную жертву. Если бы он был в нормальном состоянии, то, мирный и безобидный по натуре своей, конечно же, отказался бы от сей безумной затеи. Но сейчас он в бешенстве расталкивал людей, получая в ответ заслуженные ругательства, окрики и шипение, пинки, царапанье и подзатыльники. Физическая боль порой помогает отвлечься от душевной. Когда он достиг своей цели, то смог лишь бросить бессильный взгляд на процессию, смиренно моля Всевышнего о сотворении чуда. И оно на самом деле произошло - Пьетро из Фоссомброне, а именно так звали пастыря юноши, очнулся от глубоких дум, откинул капюшон и сразу же обнаружил в толпе своего лучшего ученика. Джио не слышал, поскольку находился вдалеке, но догадался по движению губ, что тот произнес его имя. А затем он стал производить какие-то загадочные знаки руками, по всей видимости, пытаясь сообщить ему нечто важное. Общение остановил стражник, который, грубо толкнув арестованного в спину, заставил его идти в другую, вражескую сторону...

Спектакль быстро завершился, и люди разошлись по домам, возвращаясь к своим будничным заботам. На опустевшей пьядце остался одинокий трагический актер - Джио. Встреча с Пьетро, хоть и оставила в душе благотворный след, отнюдь не рассеяла его страдания. Он лихорадочно перебирал в памяти случившееся, прежде всего пытаясь понять то, что приказал ему делать учитель - ведь в том, что тот пытался выдать ему какое-то задание, он был совершенно уверен. Что... что означали его жесты?! Или что... что следует предпринять, дабы разгадать их сокровенное значение?! Кромешный мрак неведения пронзила спасительная молния – надо обратиться напрямую... напрямую ко Всеведущему Богу! Он начал с *Pater Noster*, затем перешел к *Ave Maria* и всем прочим молитвам, которые знал наизусть. Прочитав их по кругу бесчисленное количество раз, услышал беззвучную команду «Иди!» Померещилось?! Желание породило надежду. Он уже не мог ни сомневаться, ни сопротивляться, и отправился туда, куда его влекли голоса внутри и переулки снаружи. Очнулся в каком-то неизвестном тупике, будучи пробужденным к сознательной жизни идеей, сперва показавшейся ему весьма разумной. Зачем теряться в догадках, коль скоро точный ответ можно найти весьма простым способом? Наверняка несложно узнать, в какую тюрьму отправили узников, получить аудиенцию, испросив на то разрешение или, в крайнем случае, подкупив

охранников... Мя-я-я-у! Из окошка неподалеку вылили вонючие помои, окатив при этом бездомную черную кошку. Джио немедленно понял суть знамения – привлекательная мысль была ловушкой, кознями врага рода человеческого. Охваченный суеверным ужасом, он истово перекрестился и побежал прочь...

Когда он обнаружил себя на берегу моря, то силы, казалось, окончательно покинули его. Но малышка надежда уже окрепла, превратившись в веру. Белоснежные чайки, вознося громкую хвалу Всевышнему, парили в небесах. Венецианская галера под флагом Святого Марка бесшумно входила в порт. Церковные колокола Анконы в дружном согласии благовестили к вечерне. Джио снял сандалии, склонился в поклоне и припал губами к земле – она, конечно же, была священной. И, о... о! О, Боже милосердный! Тотчас же удивительный план действий, вкуче с мельчайшими подробностями, образовался в его голове! Он чувствовал себя так, словно ключевая вода после долгой жажды, кристально чистая и нетерпимо вожденная, напоила и наполнила его. И тело его затрепетало в благоговейном ужасе. Теперь он точно знал, что ему надлежало делать! Ведь это он, маленький Джио и никто иной, был избран для Великой Миссии! Так вот для чего... вот для чего Провидение возвратило его к францисканскому конвенту в столь точный день и час! Но он не позволил себе долго предаваться эйфории и экстатическим восторгам. Возблагодарив Христа и деву Марию за дарованное Откровение, немедленно принялся за дело. Зашел по пояс в воду, обжегшую его благодатным холодом, и трижды осуществил ритуальное омовение. Затем, из пиетета пятясь задом, взял по пути голыш и проглотил его. Теперь требовалось раздобыть цветок лилии. Зима и трамонтана были уже не за горами, но разве это препятствие для Всемогушества Всевышнего?! Юноша снова отправился туда, куда глядело Всевидящее око, направлявшее его. Прикастаться можно было только к округлым булыжникам – для необутых ног и тела в мокром одеянии задача тяжелая. Но, окрыленный верой, он успешно справился с ней, хоть порой ему приходилось разве что не летать или выбирать хитроумные окружные пути. Прохожие не мешали, при его виде поспешно шарахаясь по сторонам - должно быть, волею Духа Святого. Только однажды какой-то чернобородый мерзавец не уступил дорогу, уставившись на него с раскрытым ртом, откуда мерзко запахло. «Изыди... изыди, Сатана!» - оскалился Джио на него, и ... демон сразу же исчез! Никакие силы ада не могли остановить посланника Божиего! А вот и искомый цветок, правда, непохожий на лилию, но тому виной, конечно же, было презренное колдовство.

Недавно столь прекрасная молодая вера быстро раздавалась от обжорства. Экипировавшись заповеданным образом, ратник Господень приступил к основной части кампании – он должен был попасть в монастырь, пока тот не закрыли на замок. Его там все отлично знали, но чрезвычайно важно было проникнуть незамеченным. Вот тут-то и пригодился непорочный символ Святой Троицы – крепко зажав лилию в левой руке, творя крестные знамения правой и произнеся семикратно *Invisibilis*, юноша благополучно миновал ворота. Спрятаться в укромном уголке обширного здания и провести там в непрерывных молитвах несколько часов – бремя легче легкого. Тем временем небо очистилось от зловещих туч, и ночь опустила звездное покрывало на усталый город. Вперед... вперед! В до боли знакомой келье учителя было непривычно пустынно. Добравшись до его соломенной подстилки, Джио стал простукивать стену – где-то здесь... где-то здесь должен был быть тайник. Сердце затрепетало и заплясало в его груди под музыку гулко отклика одного из камней. Руки дрожали и не слушались, вытаскивая наружу какой-то манускрипт. Душа возликовала и вознеслась ко своду небесному, когда при свете полной Луны он прочитал: «*DEUS EST TENEBRA IN ANIMA POST OMNEM LUCEM RELICTA*». И тут же рухнула во мрак преисподней - слышались чьи-то шаги, а на потолке заплясали тени от зажженной свечи: «Кто здесь?!»

И тут, по законам жанра на самом интересном месте, подтверждаю, что на нашем астероиде восходят звезды перемен. Финальные аккорды тринадцатого столетия вострубит в айфоновском веке полифоническая многосерийная литературная композиция. Не спешите плевать – ИМ достанется свое должное, и далеко не все в будущей новелле будет плевелами вымысла. Зерна исторической правды исследует продолжение, которое следует - в Блоге Георгия Борского...